Совет рабочих депутатов Новороссийска (декабрь 1905 г.)

Прочее

7 декабря по телеграфу сообщено из Москвы о призыве ко всеобщей железнодорожной забастовке и на следующий день работы в железнодорожных мастерских были прекращены и уже не возобновлялись.Железнодорожная забастовка имела целью поддержать путем насилия не только экономические, но, главным образом, и политические требования, направленные к ниспровержению существующего строя, и явилась результатом агитации представителей социал-демократов и социал-революционеров. Сперва агитация эта велась скрытно, путем распространения противоправительственных прокламаций и брошюр, а после 21 октября, когда в силу высочайшего указа из тюрьмы были освобождены главные виновники июльских событий в Новороссийске – служащие в железнодорожном депо Зеленя, Полторацкий, Верейский и др., агитация приняла совершенно открытый характер. Вскоре на заводах и мастерских появились ранее никому неизвестные, так называемые ораторы – Попов, Сокольский, Николаев, Рабинович-Лейбович, Гольман и др., которые сначала, чтобы заинтересовать рабочих, произносили речи на чисто экономической почве, сводившиеся в общем к тому, чтобы поменьше работать и побольше получать, а затем рабочим постепенно прививались такого рода учения, что всякие материальные выгоды могут быть достигнуты только путем

насильственного свержения существующего в нашем государстве строя и учреждения демократической республики.С 8 декабря началась всеобщая политическая забастовка и комитет, ободренный забастовкой рабочих в железнодорожных мастерских, в порту, на новом и старом цементных заводах, приступил к выборам членов в совет рабочих депутатов. Спустя день – два, от всех рабочих избрано 70-72 члена в Совет рабочих депутатов, которые из своей среды избрали исполнительный комитет, куда вошли представители крайних партий.В округе же на цементных заводах были учреждены отделения Совета рабочих депутатов, так называемые, «порайонные комитеты», получившие (получавшие) приказания от городского центрального Совета. Совет рабочих депутатов и его комитет с этого момента фактически захватил в свои руки власть, стали управлять городом и округом, прекратили торговлю спиртными напитками, закрывали казенные винные лавки, запретили торговать на вокзале винными напитками, диктовали время открытия и закрытия магазинов и условия работы типографий, запретили выезжать на биржу извозчикам, которых заставляли под угрозой лишения жизни возвращаться домой в виду всеобщей забастовки, требовали прекращения деятельности правительственных учреждений, за исключением банка, откуда в это время началась усиленная выборка вкладов по сберегательным книжкам с требованием выдачи денег золотом. Агитация в этом направлении шла настолько успешно, что, несмотря на то, что вкладчиками были большею частью рабочий класс, за две недели было выбрано до пятисот тысяч рублей. (Рабочие имели возможность накапливать личный капитал)Далее Совет рабочих депутатов, как в своих печатных воззваниях, расклеенных по городу и даже на дверях городской управы, так и лично требовал, чтобы население не платило податей, не выбирало торговых документов и вело вооруженную борьбу с правительством с целью ниспровержения монархии и учреждения демократической республики.К этому времени окончательно сформировалась революционная боевая дружина, которая появилась еще в первых числах декабря и, будучи вооружена ружьями и револьверами, открыто производила свои учения как в

городе, так и на цементных заводах. Были выбраны свои командиры сотен, десятков под общей командой «генерала Черного» (он же Филипп Дубровин). Учение в городе происходило большею частью возле мельницы Асланиди, на базарной площади, причем численность дружины доходила до 300 человек и в общем она производила впечатление стройной военной команды. В это же время на цементные заводы приезжали из города представители Исполнительного комитета, которые устраивали собрания рабочих и в своих речах открыто призывали к вооруженной борьбе с правительством и свержению монархии, убеждали учредить среди рабочих кассу для сбора денег по оказанию помощи во время забастовки, для печатания революционных брошюр и для покупки оружия на случай столкновения с казаками. Социал-революционер Сокольский, временно проживающий в Новороссийске и никакого отношения не имевший к заводским рабочим, вместе с тем настолько вмешивался в заводскую жизнь, что когда директор старого цементного завода Ливен нашел необходимым уволить Жиргулевича, то Сокольский пришел к нему со всеми рабочими и, назвал себя представителем Новороссийского социал-демократического рабочего комитета, заставил директора принять обратно Жиргулевича, а также раньше уволенных рабочих, предъявив при этом целый ряд далеко не экономических требований, которые Ливен из боязни должен был принять. На цементных заводах строевое учение и стрельба в цель также проводились совершенно открыто, причем самую видную роль играл Жиргулевич, который был организатором боевой дружины. Помощником у него был запасной фельдфебель Нененко, называвшийся «капитаном» боевой дружины, который обучал дружину маршировке, стрельбе и другим военным упражнениям; главным же организатором на новом цементном заводе был рабочий этого завода Шмидт.С целью мобилизации ружей и вообще боевых дружинников на случай столкновения с войсками, Советом рабочих депутатов было приказано предпринять несколько экскурсий по соседним деревням. 13 декабря, часов в восемь вечера в селение Глебовку явилась толпа людей, вооруженных ружьями и револьверами, из которых некоторые имели на рукавах верхнего

платья ленты с надписями «городская охрана». Лица эти, именуя себя боевой дружиной революционного комитета, заявили, что они прибыли отбирать у поселян оружие для защиты себя на случай столкновения с войсками. Отобрав насильно берданку и патроны у полицейского урядника Болтромеюка, выдали ему расписку, что ружье взято по распоряжению боевой дружины. Затем они потребовали список лиц, у коих имеются ружья и, заставив старосту указать им квартиры этих лиц, отняли у них насильственным образом одиннадцать казенных ружей системы Бердана и Крынки.Желая при этом лишить возможности просить помощи у начальника округа, дружинники перерезали телеграфные провода между имением Абрау-Дюрсо и Новороссийском. В средних числах декабря поздно вечером в село Владимировку явились вооруженные револьверами и ружьями люди, которые потребовали от жителей выдачи ружей, говоря, что оружие они собирают для городской охраны, причем не желавшим давать оружие грозили лишением жизни и отбирали ружья насильственным образом.15 декабря в 5 ч. вечера толпа вооруженных лиц явилась в село Мефодиевку и потребовала от жителей селения выдачи оружия, грозя в противном случае смертью. Под влиянием таких угроз жители отдавали выданное им казенные ружья для защиты от диких зверей. Таким же образом отбиралось оружие в декабре под начальством отставного капитана Грозинского в селениях Кириловке и Марьиной Роще, где, между прочим, Грозинский, созвав поселян в сельское правление, убеждал их не подчиняться правительственным властям, не платить податей и, если таковые станут взыскивать, то жаловаться в их управление, то есть в Исполнительный комитет. Здесь также дружинники, дабы заставить поселян поскорее отдавать ружья, прибегали к насилию и грозили им с оружием в руках.Так, к поселянину села Кириловка Францу Студжураду ворвалась в комнату несколько человек, требуя ружье, и когда тот не хотел отдавать казенного ружья, то один из них прицелился в него из своего ружья, другой держал над его головой револьвер, а третий замахнулся кинжалом. При таких условиях ничего другого не оставалось, как отдать ружье. 23 декабря в 4 ч. утра дружинники из старого цементного завода во

главе с Василием Нененко явились в заводскую конюшню и, насильно заставили кучера запрячь заводских лошадей, поехали на трех подводах в село Кабардинку, где, забрав оружие и возвратившись часов в 8 вечера на завод, сейчас же отправились с отобранным оружием в город. В Кабардинке Нененко и бывшие с ним боевые дружинники путем уговоров и насилия отобрали более 20 винтовок и много патронов, говоря, что ружья нужны для борьбы с правительством; при этом Нененко подписался заведующим боевой дружиной цементных заводов. В этом же месяце дружинники во главе с Жиргулевичем и Шмидтом отбирали оружие на цементных заводах, на дачах, расположенных возле этих заводов, и в других местах Новороссийского округа. В декабре же на дачу Леонтьева явилось 10 вооруженных человек во главе со Шмидтом, которые, требуя оружия, называли себя «борцами за свободу» и искали на даче и.д. губернатора Березникова и начальника округа Фомышкина, чтобы арестовать их.Приблизительно в 20-х числах того же декабря Гречкин, занимавший должность полицмейстера при революционном правительстве, вооруженный ружьем и револьвером, явился в сопровождении толпы вооруженных людей в имение Абрау-Дюрсо и, предъявив письменное требование за красной печатью социал-демократической рабочей партии, потребовал выдачи оружия, грозя в противном случае лишением жизни. Под влиянием угроз было выдано 14 ружей. Возле имения расположилось в это время человек до 50 вооруженных лиц, и вместе с тем были порваны телефонные провода, соединявшие имение с городом.Так же энергично отбиралось оружие у разных лиц, живущих в городе, а равно собирались деньги на вооружение дружины. Некоторые из собиравших деньги на вооружение называли себя членами Совета рабочих депутатов и не желавшим давать деньги грозили, говоря, что им будет плохо. По приказанию Совета рабочих депутатов, оружие отбиралось не только у частных лиц, но и в разных правительственных учреждениях. 15 декабря Жиргулевич в сопровождении 20-25 вооруженных револьверами лиц явился на морскую врачебно-наблюдательную станцию и потребовал выдачи казенных ружей. На замечание фельдшера, что за ружья придется отвечать перед начальством,

Жиргулевич ответил: «Теперь такого начальства нет, теперь народное право». Взяв четыре ружья, один револьвер и патроны к ним, Жиргулевич выдал в этом расписку, которую подписал «Член Совета рабочих депутатов».19 декабря к начальнику Новороссийского округа Фомышкину явились два грузина и, предъявив ему записку за печатью Исполнительного комитета, потребовали выдачи казенного оружия с патронами и оружия, хранившегося в управлении в качестве вещественного доказательства. На улице возле квартиры Фомышкина стояло до 50 человек дружинников. Оружие не было только лишь потому, что оно было уже отправлено на хранение в товарную контору под охрану казаков.Вечером 20 декабря в новороссийское городское полицейское управление в сопровождении 20 вооруженных дружинников пришел игравший также видную роль в боевом комитете Ражден Каландадзе и потребовал от секретаря полиции Семича выдачи оружия, хранившегося при полиции в качестве вещественного доказательства. Оружие это оказалось отправленным на хранение к воинскому начальнику. Ражден Каландадзе тем не менее произвел тщательный обыск и, не найдя оружия, арестовал Семича и отправил его в дом Карпова, где помещался «штаб боевой дружины». Там в это время находилось человек 50-60 вооруженных дружинников.23 декабря в камеру мирового судьи 1-го участка г. Новороссийска явилось 5 вооруженных дружинников и, предъявив письмоводителю мирового судьи требование за печатью комитета, потребовали оружие. В присутствии письмоводителя и городового взломали сундук, в котором хранилось оружие – вещественные по делам доказательства, и, взяв пять револьверов, кинжал, берданку и патроны, ушли.Одновременно с сим на старом цементном заводе появились воззвания, которыми население приглашалось вооружаться кто чем может; револьверами, пиками, кинжалами и пр. для борьбы с правительством, и в ночь с 23 на 24 декабря рабочие постановили на собрании приступить к выделке пик, после чего они, самовольно открыв заводские мастерские, приступили к выделке пик, в чем принимали участие и посторонние лица. Часть этих пик была найдена на старом цементном заводе при обыске 26

декабря. В ночь на 14 декабря к пороховому погребу на новом цементном заводе пришли вооруженные грузины, которые, обезоружив и связав сторожа и взломав двери погреба, похитили 5 п. 30 ф. зернистого минного пороха и 27 кругов фитиля для зажигания. Порох этот для стрельбы не годился, а употреблялся только для взрывов.На старом цементном заводе из порохового погреба было также похищено в ночь на 4 ноября 24 фунта динамита, хранившегося в пороховом погребе. Кто совершил эту кражу, осталось не обнаруженным, но спустя некоторое время Жиргулевич, встретив штейгера на каменоломнях при старом цементном заводе Горского стал требовать выдачи ему пистонов, которые употребляются при динамитных взрывах.Были также бомбы, которые, как упорно говорили, выделывались на старом цементном заводе. Ввиду таких слухов 16 января 1906 г. был произведен, по приказанию генерал-губернатора, обыск на этом заводе и в пустой казарме, находившейся в 15 саженях от квартиры Жиргулевича, есаулом 2-й сотни Урупского полка Безродным были найдены в нижних печных боровах, которые в то время не отапливались, три ручные бомбы в виде четырехугольных жестяных коробок. Бомбы эти для определения силы их взрыва и состава были взорваны, причем они оказались обладающими громадной разрушительной силы. По заключению экспертов, химика Лихтенштейна и штейгера Горского, бомбы эти были начинены динамитом с большим содержанием нитроглицерина. Куски же сплава (баббити), оставшегося после взрыва бомб, указывают на то, что бомбам желали придать побольше сокрушительной силы. Затем эксперты удостоверили, что бомбы эти при бросании в толпу должны были произвести взрыв и крайнее разрушение, причинив при этом смерть не менее десяти человек.Образовавшаяся таким образом боевая дружина содействовала возникшему революционному правительству в достижении намеченной им цели, направленной к ниспровержению существующего строя и учреждению демократической республики.Дружина эта, доходившая до 300 человек, была вооружена пиками, револьверами, ружьями и бомбами, участвовала во всех антиправительственных демонстрациях, обучалась воинским приемам на

случай столкновения с ожидавшимися в Новороссийске, для подавления восстания, войсками.12 декабря 1905 г. и. д. губернатора, в виду полученных им агентурных сведений о предстоящих арестах революционными партиями старших правительственных агентов, переехал на вокзал и поселился в товарной конторе под охраной 2-ой сотни Урупского полка. Переезд этот отозвался крайне деморализующим образом как на население, так и на оставшихся в городе властях. Революционные же партии стали действовать еще решительнее и вскоре достигли полного господства в городе и округе, городская же охранная стража в это время совершенно сливается с боевой дружиной: одни и те же лица заполняют кадры городской охраны и революционной дружины, которые одинаково относятся враждебно к полицейским и административным властям.Совет же рабочих депутатов продолжал заседать ежедневно; с конца ноября по конец декабря печатаются разнообразные антиправительственные воззвания и постановления Совета рабочих депутатов, его исполнительного комитета и от комиссии по организации помощи безработным о взносе раскладочного сбора. Этими воззваниями и другими своими действиями крайние партии положительно терроризировали население. Так, в ночь на 3 декабря 20 вооруженных человек ворвались в типографию «Труд» и принудили напечатать антиправительственные воззвания, под заглавием «К казакам и солдатам». Вечером 8 декабря в типографию Преображенского вошло несколько вооруженных дружинников, которые в присутствии служащих типографии отвинтили печатную машину «бостонку», но вследствие поднявшегося в это время на улице крика и стрельбы убежали, оставив уже отвинченную машину и револьвер.13 декабря командированные Советом рабочих депутатов учитель местной гимназии и не обнаруженная следствием женщина предъявляют временному отделению Екатеринодарского Окружного суда письменное требование следующего содержания: «Черноморский социал-демократический комитет РСДРП предлагает суду немедленно прекратить занятия в виду всеобщей политической забастовки, присовокупляя, что это делается, как протест против действий правительства». Такого же рода

требования предъявляются местному мировому судье.В декабре Совет рабочих депутатов и исполнительный комитет выпускают объявления о закрытии всех правительственных учреждений, а в ответ на объявление губернатором чрезвычайной охраны Совет рабочих депутатов расклеил по городу свой манифест, требуя бойкотирования Государственной думы, всеобщей политической забастовки, учредительного собрания и образования демократической республики.15 декабря начальником новороссийского морского порта полковником Лушковым были уволены два матроса, из которых один был заподозрен в краже. Те отправились в Совет рабочих депутатов, и на следующий день Лушков получил письменное требование от упомянутого Совета о немедленном принятии уволенных рабочих. На 17 декабря была назначена продажа с публичного торга товаров в магазине Стефанова и, когда полицейский чиновник Ковынев приступил к означенной продаже, то посланные исполнительным комитетом вооруженные дружинники потребовали от Ковынева прекращения аукциона, предъявив ему письменное требование исполнительного комитета за красной печатью. На отказ Ковынева подчиниться этому требованию, дружинники пригрозили употребить силу, после чего пришлось прекратить аукцион и закрыть магазин.18 декабря ночью в типографию Левина ворвалась толпа человек 15-20 вооруженных людей и стала печатать «Известия Совета рабочих депутатов в г. Новороссийске» («Известия»), расставив у входов боевых дружинников. Уходя, они хотели взять с собою две кассы шрифта, но Левин этому воспротивился, сказав: «раньше меня убейте, а потом берите шрифт».В двадцатых числах того же декабря в типографию Янчевского вошли вооруженные люди и, отвинтив печатную машину «бостонку», унесли ее. В том же месяце все типографии Новороссийска получили письменное требование от исполнительного Совета рабочих депутатов, чтобы все типографские работы печатались только после разрешения исполнительного комитета, и когда вышеназванный Янчевский отпечатал распоряжение губернатора о введении в Новороссийске чрезвычайной охраны, то типографии его была насильственно закрыта; поэтому приехавшая на

гастроли в Новороссийск опереточная труппа, желая дать спектакль, обратилась за разрешением к Совету рабочих депутатов. Разрешение было дано, но часть сбора пошла в пользу Совета рабочих депутатов, а на афишах, отпечатанных в типографии Левина, значилось, что «печатать разрешается Советом рабочих депутатов». Когда в 20-х числах декабря Совету рабочих депутатов не понравилось направление местной газеты «Черноморское побережье», печатавшейся в типографии «Труд», где между прочим было напечатано объявление губернатором города на положении чрезвычайной охраны., то, согласно постановлению Совета рабочих депутатов, эти номера газеты конфискуются, а управляющему типографией заявляется, чтобы все номера газеты и объявления представлялись на цензуру в исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, без разрешения коего печатать запрещается.В особенно тяжелом положении очутились торговцы г. Новороссийска. Помимо того, что им приходилось обращаться к Совету рабочих депутатов за разрешением открывать торговлю, получать товары из транспортных контор, совершать погрузку и разгрузку пароходов, им было еще запрещено выбирать торговые документы на 1906 год, для чего не только распространяли по городу воззвания, но ходили по магазинам и требовали от имени Совета рабочих депутатов – не выбирать документы.Таким образом, создалось такое положение: правительственные власти требуют современную выборку документов на право торговли, а революционное правительство запрещает под страхом наказания выбирать документы.15 декабря в Новороссийск прибыл командир Урупского полка полковник Котрахов произвести смотр казакам. Пользуясь этим случаем, и. д. губернатора поручил полковнику разоружить городскую милицию и захватить склад оружия, который был устроен революционерами в районе первой полицейской части, в доме Карпова, где заседал, так называемый, боевой штаб. 16 декабря казаки под командой полкового командира продефилировали по городу и окружили дом Карпова. Боевые дружинники, побросав оружие, спасались бегством в разные стороны, но полковник Котрахов в виду требования губернатора – избегать, по возможности,

кровопролития, не воспользовался этим случаем и уехал с казаками, не подобрав даже оружия. Это обстоятельство еще более ободрило революционеров, и они не замедлили пустить слух по городу, что казаки побоялись в них стрелять и отступили. На следующий день полковник Котрахов, в сопровождении конвоя, уехал из Новороссийска, а вечером того же дня в Новороссийск прибыли из Екатеринодара по железной дороге делегаты от остальных сотен Урупского полка, с целью убедить бывших в Новороссийске урупцев покинуть Новороссийск (город) и присоединиться к своему полку в Екатеринодаре.18-го утром 4-я и 6-я сотни Урупского полка под влиянием агитации вышеозначенных делегатов, действовавших под влиянием революционных партий, покинула Новороссийск и выехала поездом, без своих офицеров, в Екатеринодар. 2-ая же сотня осталась до конца верна своему служебному долгу. После ухода урупцев Новороссийск и его округ окончательно перешли во власть революционеров, которые, желая показать свою силу, с одной стороны, и в виде протеста на введение чрезвычайной охраны, с другой стороны, решили устроить грандиозную демонстрацию, на которой собралось до 3.000 человек, вооруженных ружьями, револьверами, пиками и даже бомбами.К этому времени революционерами сформирован лазарет для оказания помощи боевой дружине при столкновении ее с войсками. С этой целью было нанято помещение в центре города в доме Пасхаловой и снабжено кроватями, матрасами, носилками, перевязочным материалом и необходимыми медикаментами. Был также подготовлен состав сестер милосердия, (составленный) преимущественно из местной молодежи, а равно учительниц, которым Новороссийские врачи читали лекции, знакомя с подачей первой медицинской помощи раненым. В оборудовании этого лазарета принимала участие городская управа, которая послала городского фельдшера Симоненко в Екатеринодар, где и было закуплено им несколько пудов гигроскопической ваты и тысячи аршин бинтов и марли. Все это предназначалось для лазарета, но значилась, якобы, для городской больницы.Вместе с тем Совет рабочих депутатов и исполнительные его комитеты продолжали свои ежедневные заседания в помещении 3-го

городского училища и других местах, принимая прошения, кладя на них свои резолюции, выслушивая жалобы и подвергая виновных аресту. Таким образом, были лишены свободы домовладелец Никольский за то, что он будто возбуждал народ против революционеров, секретарь полиции Семич за невыдачу из полицейского управления оружия, кузнец Панайоти за нежелание прекратить работу в кузнеце, городовой Чекрыгин и др., а и.д. губернатора Березникова искали на даче и прямо говорили, что он нужен для того, чтобы его судить. На старом цементном заводе судили Нирода, Нитича и Маркевича. Последний был приговорен на сутки в карцер, причем в числе судей были лица, никакого отношения к заводу не имеющие, но состоявшие членами Совета рабочих депутатов в городе, как-то Сокольский, Мамулянц и др. В железнодорожном депо начальника этого депо инженера Глеб-Кошанского. Его судили три раза, причем в числе судей были приказчик городского головы Никулина Гольман и учитель местной гимназии Бодянский.В первых числах декабря рабочие новороссийских торговцев фуражками и шапками Большама и Варшавского потребовали увеличения заработанной платы на 50 %. Когда они не согласились, то вскоре их пригласили в городскую управу, где заседавшие члены Совета рабочих депутатов Зеленя, Мамулянц, Краснов и другие потребовали от них удовлетворения этого требования рабочих. Большам и Варшавский согласились. На следующий день рабочие предъявили новое требование: гарантировать плату даже при отсутствии работы. Когда Большам и Варшавский на это согласия не изъявили, то их пригласили в комитет, где на сей раз в качестве судей были Мамулянц, Голиков, Гольман и Зеленя. Большам и Варшавский отказались принять на себя столь тяжелые обязательства и им был объявлен бойкот. Бойкот этот провозглашался на всех митингах, заставляя, таким образом, публику не покупать у них товара. У тех же лиц, которые, не взирая на бойкот, все-таки покупали шапки в магазинах Большама и Варшавского, таковые вырывались на улице из рук дружинниками, находившимися возле магазинов, и уничтожались. Такого рода бойкот продолжался десять дней. Терпя большие убытки, Большам и

Варшавский принуждены были согласиться исполнить требования рабочих. После этого бойкот был снят, о чем было объявлено на всех митингах.В декабре же управляющий пивоваренным заводом «Новая Бавария» был оштрафован исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов десятью рублями за отпуск пива из завода. Повестку за красной печатью исполнительного комитета об уплате денег принес дружинник, вооруженный берданкой со штыком. Под влиянием боязни перед революционерами управляющий уплатил десять рублей.Не меньшую роль играли представители крайних партий в делах городского самоуправления, при чем Совет рабочих депутатов встретил большое сочувствие в лице городского головы Никулина, который совершенно оказался под влиянием крайних партий и еще в октябре, во время обсуждения вопроса об организации городской стражи, не только дозволил явным социал-демократам Лейбовичу и Сокольскому принимать участие в этом совещании, но даже по его, Никулина, инициативе был введен в постановление параграф № 6, который гласил: «Пригласить представителей социал-демократической партии для совместного обсуждения вопроса об организации охраны».Для поддержания всеобщей забастовки было выдано городских средств пособие бастовавшим почтово-телеграфным чиновникам, при этом городской голова Никулин предложил привести это решение в исполнение немедленно, не выжидая утверждения этого постановления губернатором. Затем, когда в первых числах декабря появилось объявление Совета рабочих депутатов о необходимости начать сборы с имущей части населения города для сбора пожертвований и организации этой помощи, дума тогда же ассигновала из городских средств в пользу безработных 3.000 рублей и избрала комиссию, которая обложила всех жителей прогрессивно-подоходным налогом, по которому все лица, имеющие доходность свыше 1.000 рублей, вносят от 2 % до 4 % в пользу рабочих и разослала несколько сот извещений, за подписью председателя комиссии Лира и секретаря Лейбовича, которыми жители приглашаются поторопиться взносом денег на помощь безработным во время политической забастовки. Деньги эти принимались в городской управе как Лиром, так и кассиром управы, причем

взыскивались особые сборы в пользу социал-демократического и социал-революционного комитетов Северо-Кавказского союза и Черноморской губернии, как это видно из выдававшихся талонов красного цвета с оттиском печати социал-демократов и белого с оттиском – социал-революционеров. Деньги эти раздавались Лиром и членами Совета рабочих депутатов Гольманом и др. Когда некоторые гласные восставали против такого налога, то городской голова Никулин, зять его Прохоров и другие представители крайних партий, принимавшие участие в заседании, настаивали на немедленной помощи ввиду того, что безработная масса начнет громить город. Между тем в Новороссийской бухте в это время находилось до 50 пароходов, ожидавших погрузки, и рабочие могли в две недели заработать 20.000 рублей на 1.000 человек, на что было, между прочим, указано экспортерами Никулину и Лиру, когда они 23 октября пришли в Биржевой комитет, прося сделать взносы для безработных; при этом Никулин и Лир грозил экспортерам, что если они не внесут денег добровольно, то Совет рабочих депутатов возьмет на себя взимание денег.Гласный думы Беседин категорически удостоверил, что со дня обнародования высочайшего манифеста вплоть до введения военного положения все думские заседания происходили под давлением представителей революционных партий, являвшихся в думские заседания и принуждавших под угрозами решать дела по их желанию, при этом городской голова говорил на митингах о необходимости объединиться с революционной партией и действовал совершенно солидарно с представителями крайних партий, исполняя все их требования. Так, когда в декабре исполнительный комитет Совета рабочих депутатов прислал в городскую управу письменное требование за красной печатью комитета и надписью: «Бориса» и Лейбовича, требуя немедленно установить таксу на жизненные продукты в городе Новороссийске, то все было исполнено согласно этому требованию. Бумагу эту видел гласный думы Никольский, когда она переходила из рук в руки лиц, присутствовавших в комнате секретаря Петрова. Никулин, очевидно, сознавал незаконность своих действий, так как 21 декабря на частном совещании в его квартире обратился

даже к гласным с таким вопросом: «как поступит дума, если его заключат под стражу за то, что он под влиянием крайних партий разрешил дать деньги бастующим, содействуя, таким образом, революции?»Видя, что он далеко зашел и что власть ускользает из его рук, Никулин, по словам свидетеля Бартошека, «меняет свою политику» и, в противовес крайним партиям, решает вместе с другими лицами образовать конституционно-демократическую партию. С этой целью 22 декабря состоялось собрание в летнем помещении клуба, но выборы в члены этой партии не состоялись, так как они были сорваны представителями крайних партий, которые, явившись в сопровождении нескольких десятков вооруженных лиц, своим шумом, свистом и пением «Марсельезы» не дали этому собранию состояться. Насколько велико было влияние Совета рабочих депутатов и насколько считались с этим Советом, видно из того, что когда конституционалисты-демократы впервые собрались в управу, то признали необходимым послать своего представителя в Совет рабочих депутатов, поручив ему войти в состав этого Совета, чтобы таким образом иметь какое-нибудь значение в городе. Для этого были выбраны гласный думы Головань и инженер Калистратов, которому поручено было вступить в переговоры с членами упомянутого Совета, но те не только не приняли представителей конституционной партии, но и не пожелали входить с ними в какие бы то ни было переговоры.20 декабря Совет рабочих депутатов разрешил почтово-телеграфной конторе производить в течение двух дней до праздников разборку и выдачу частной корреспонденции. Работали только бастовавшие чиновники под начальством Германа и Лордкипанидзе, а тех чиновников, которым был объявлен бойкот, удалили из конторы. Тогда же к сторожам, охранявшим ценности, находившиеся в Государственном банке, приходили агитаторы-революционеры, которые стали убеждать их и караул выдать оружие, и когда те не пожелали исполнить этого требования, то им пригрозили явиться в большом количестве и насильно отнять оружие.В виду этого исправляющий дела губернатора решил в тот же день перевести кассу на вокзал под охрану казаков. Вечером того же дня губернатор в сопровождении казаков прибыл в

банк и, взяв из кассы более полутора миллионов рублей, оставил в банке для продолжения операций 400.000 рублей. С целью протеста против вывоза денег из Государственного банка, а равно желая показать свою боевую силу, 20 декабря была устроена грандиозная вооруженная демонстрация, в чем Совет рабочих депутатов еще заранее оповестил объявлениями городское население. С самого утра толпы народа стали собираться в городе, куда также прибыла в числе нескольких сот человек, боевая дружина с цементных заводов и «Стандарта». Соединившись с городской боевой дружиной, они направились к городской управе. Дружина, вооруженная ружьями, револьверами и пиками, шла со знаменами красного цвета, на которых был надписи: «Да здравствует свобода и Учредительное собрание», «Рос. социал-демокр. рабоч. партия», «Земля и воля». Самое шествие дружины открывалось оркестром музыки, игравшей «Марсельезу» и другие революционные песни, тут же несли бомбы, на случай, если бы казаки вздумали сделать нападение. Подошедши к балкону городской управы, демонстрация остановилась, причем вооруженная дружина стала правильными рядами ближе к балкону, а сзади нее стояла громадная, в несколько тысяч человек, толпа.На балконе городской управы стояли представители крайних партий и городского самоуправления, как-то Сокольский, Попов, Краснов, Гольман, Зеленя, городской голова Никулин и др., из коих ораторы, говорившие под знаменем, на котором значилось «Смерть тиранам», призывали к вооруженному восстанию и партизанской войне с правительством. Оратор Николаев, между прочим, сказал, что скоро прибудут в Новороссийск войска, которые могут отобрать то, что они с таким трудом завоевали, и убеждал с оружием в руках постоять за свои права. Затем, обращаясь к вооруженным д

Составитель: Под ред. А.Л. Сидорова, М., 1955-1957.